

Р.И. Капелюшников

Центр трудовых исследований ГУ ВШЭ

Рынок труда: почему не сбылись катастрофические прогнозы

Я попытаюсь ответить на вопрос, что ожидалось и что на самом деле произошло на рынке труда в ходе экономического кризиса.

Сначала – о панических настроениях на старте кризиса. Напомню, что по отношению к величине ожидаемого экономического спада исходные прогнозы были не сверхпессимистичны, а, напротив, сверхоптимистичны. Представители государства прогнозировали, что спад будет в пределах двух-трех процентных пунктов, тогда как консенсус-прогноз независимых экспертов склонялся к величине 5%, хотя были, конечно, «горячие головы», которые называли цифры чуть выше. Одновременно многие эксперты уверенно предсказывали, что уровень безработицы в 2009 г. составит не менее 12–15%, причем чаще всего звучала цифра 15%. Что же означал такой «парный» прогноз? По существу он предполагал, что при спаде ВВП на 5 процентных пунктов ожидался сверхпропорциональный рост безработицы примерно на 9 процентных пунктов (от уровня чуть более 6% в 2008 г. до уровня 15% в 2009 г.).

А что произошло в реальности? ВВП сократился почти на 7,9%, тогда как занятость упала на всего лишь 2,2%, и, соответственно, уровень безработицы вырос на 2 п.п. Возникает вопрос, как могло такое случиться, почему эксперты так сильно обманулись в своих ожиданиях, причем, что важно, прямо в противоположных направлениях – в сторону явного занижения в случае падения ВВП, но в сторону явного завышения в случае роста безработицы. Каким образом российской экономике, несмотря на сильнейший негативный шок, удалось избежать резкой эскалации безработицы? Сейчас многие эксперты (включая тех, что обещали нам скачок безработицы до 15%) ссылаются на опыт некоторых западных стран, прежде всего европейских, в которых прирост безработицы, несмотря на глубокий кризис, также оказался не слишком значительным, – скажем, в среднем по ЕС он составил 3 п.п. (Аналогичная оценка по США вдвое больше – почти 6 п.п.!) Однако при этом почему-то обычно не упоминают, что глубина экономического спада была в этих странах, как минимум, в два, а иногда и в три раза меньше, чем в России. И если посмотреть на страны, где она была сопоставима с тем, что наблюдалось в российской экономике, например на

страны Балтии, то окажется, что там безработица почти мгновенно подскочила до отметки 15–20%. Таким образом, можно утверждать, что поведение российского рынка труда в условиях нынешнего кризиса сильно разошлось не только с ожиданиями большинства экспертов, но и с тем, как фактически повели себя рынки труда во многих других странах.

Но прежде чем приступать к обсуждению причин такого «нестандартного» поведения, я хотел бы сделать одно предварительное пояснение технического характера. Дело в том, что в России все индикаторы рынка труда подвержены сильнейшим сезонным колебаниям. Естественно, это усложняет анализ, поскольку достаточно трудно отделить влияние сезонных факторов от влияния собственно кризиса.

Итак, почему прогнозы тех, кто предсказывал катастрофическое развитие событий на российском рынке труда, провалились? Каким образом ему удалось избежать взрывного роста безработицы? Из опыта 1990-х годов мы знаем, что уже в тот период поведение российского рынка труда было достаточно необычным, так как к многочисленным негативным шокам, которые обрушивались тогда на российскую экономику, он приспосабливался не столько за счет количественной подстройки (т.е. сокращения занятости и увеличения безработицы), сколько за счет временной и ценовой подстройки (сокращения продолжительности рабочего времени и снижения реальной заработной платы).

Что же мы увидели теперь? Как и раньше, *основную тяжесть кризисного приспособления приняла на себя продолжительность рабочего времени* (отсюда – настоящий бум в использовании различных форм неполной занятости). По моим оценкам, в последнем квартале 2008 г. масштабы вынужденной неполной занятости выросли по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в 10 раз, а масштабы «условно-добровольной» неполной занятости в форме отпусков по заявлению самих работников, как минимум, вдвое. Причем это был еще не пик! Так, в обрабатывающих производствах в некоторые месяцы 2009 г. каждый четвертый–пятый работник трудился в режиме неполного времени! В отдельных регионах охват работников различными формами неполной занятости мог достигать до 30–35%.

Все это говорит о том, что и на этот раз кризисное приспособление на российском рынке труда пошло по одному из тех путей, которые были опробованы и активно использовались в 1990-е годы. (Россия здесь не одинока: в условиях нынешнего кризиса многие западноевропейские страны, например Германия, также начали широко использовать переводы работников на неполное рабочее время.)

Второй важнейший приспособительный механизм, активно использовавшийся в 1990-е годы, – снижение реальной цены труда. В тот период оно чаще всего достигалось за счет инфляционного обесценения заработков. Однако поскольку нынешний кризис – и это одно из его главных отличий от кризисов 1990-х годов – протекает в слабо инфляционной среде, этот путь оказался в значительной мере перекрыт. По официальным оценкам, падение реальной заработной платы в период нынешнего кризиса составило менее 5%. Правда, это средняя цифра, относящаяся ко всей экономике. Как мы знаем, в 2009 г. произошло 30%-ное повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, что в значительной мере искажает реальную картину. Если же ограничиться рассмотрением только частного сектора, то в нем можно обнаружить отрасли, где в первые кризисные месяцы даже не реальная, а номинальная (!) заработная плата падала на 10–15%. (В строительстве, по итогам 2009 г., номинальная заработная плата сократилась на 2%.) Таким образом, в российских условиях *инфляционное обесценение нельзя считать единственно возможным способом снижения реальной цены труда*. Несмотря на серьезные издержки и трудности, которыми сопровождается лобовое сокращение номинальной заработной платы, с началом кризиса многие российские предприятия все-таки двинулись по этому пути.

Вместе с тем еще один механизм ценовой подстройки, который в 1990-е годы пользовался огромной популярностью, а именно – задержки заработной платы, в условиях нынешнего кризиса оказался почти полностью заблокирован. Причина – жесточайший контроль, установленный государством за своевременностью выплат. С началом кризиса число работников с задержками заработной платы выросло ненамного, а сейчас уже вернулось на докризисный уровень.

К этому стоит добавить, что на старте кризиса существовали также панические настроения, касавшиеся возможной эскалации массовых увольнений. Однако имеющийся опыт показывает: как массовые увольнения были почти не востребованы в 1990-е годы, так же они крайне редко используются и сейчас. В 2009 г. их интенсивность продолжала оставаться мизерной, почти не увеличившись по сравнению с докризисным периодом (0,3–0,4% среднесписочной численности работников).

Критическая проблема, которая стоит сейчас перед российским рынком труда, может быть описана так: во что станет трансформироваться огромный «навес» вынужденной неполной занятости, который сформировался с началом кризиса и продолжает поддерживаться до сих пор? Есть два возможных варианта развития событий. Первый – неполная занятость начнет трансформироваться в открытую безработицу. Второй – она будет какое-то время поддерживаться в нынешнем состоянии, а затем с началом активного выхода экономики из кризиса станет постепенно рассасываться, как, собственно, и происходило в 1990-е годы. На мой взгляд, вероятность второго варианта намного выше, так что события, скорее всего, будут развиваться примерно по тому же сценарию, что и в 1990-е годы, минуя угрозу формирования сверхвысокой безработицы. Более того, фактически этот сценарий уже начал реализовываться. Уровень неполной занятости упал более чем вдвое – почти с 20% в начале кризиса до 8,5% сейчас – и это падение происходило *одновременно* с сокращением уровня безработицы! Иными словами, эти два процесса шли параллельно. И если вспомнить, что именно с угрозой сверхвысокой безработицы многие аналитики связывали апокалиптические прогнозы о неизбежности социальных потрясений в России, то это предполагает, что и в этой части их предсказания оказались явно несостоятельными. Все указывает на то, что российский рынок труда, как и раньше, *продолжает служить своеобразным амортизатором, позволяющим, метафорически выражаясь, переводить накапливающуюся негативную социальную энергию в диффузное состояние*. Тем самым он помогает гасить риски возникновения массовых социальных конфликтов.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.